

ПРОЩАЙ, МАСЛЕНИЦА...

В.Г. Руделев

Rudelev V.G. Farewell, Shrovetide... The article restores and analyses the etymology of some ancient terms related to the East-Slavic rite of Shrovetide.

Ничего нет более запутанного и затуманенного, чем название русского календарного праздника **масленица**. Казалось бы, просто – **масло**, жирная еда (без мяса, однако!), светильники, в которых горит то же **масло**. Но, как и во всех русских обрядах, истинное имя праздника здесь прячется в слове-символе, только созвучном первоначальному, но в конце концов лишь заменившем исконное древнее слово, обросшем якобы мотивирующими реалиями; на самом деле эти реалии лишь уводят от первоначального смысла праздника (ср. [1]).

Смысл, однако, диктуется **масленичной** (сыропустной) седмицей, радостным ощущением **весны**, **света**, **солнца** и одновременно обязывающим, призывающим к покаянию **постом**. Пост для христианских славян вовсе не страдание, не мучение, это еще большая радость, связанная с очищением души и тела, с предстоящим Воскресением Господа и Спаса нашего Иисуса Христа. Считается, что в **масленице** содержится древний, дохристианский смысл, что в конце концов **масленица** – вовсе не христианский праздник. Наше исследование имеет целью показать обратное: если в **масленичном** ритуале обнаруживаются элементы, которые трудно соотносить с православно-христианскими обычаями, то это не пережитки язычества, а некоторые его наслоения на обряд, который первоначально был абсолютно христианским и абсолютно православным, но в силу забвения истинных смыслов ритуального действия превратился в то, что есть, и уже не воспринимается как чистый православный праздник.

Опыт реконструкции первоначальных ритуальных терминов [1] заставляет видеть в их субституциях паронимические механизмы. В случае **масленицы** можно предполагать созвучные этому слову обозначения <солнца>, <света>, <весны>.

Само понятие <солнце> начинается в весьма прозаических семах <очищать с помощью слюны>, <обглаживать>, <делать блестящим, белым, ясным> и так далее.

Сравните русское слово «**мусолить**» («**муслить**», «**муслять**») <слюнить>, <пачкать слюною>, <сосать> и так далее [2]; белор. «**мусолиць**» <глодать>, <пачкать>, <мазать слюной>. Др.-русс. слово должно было звучать как [*мусьлити], праславянское – как [*muusъliiti] (из [*meusul-] <чистый>, <светлый>). Ср. [3]. Форма [*meusulni] может восприниматься как именная, отглагольная со значением <отчищенный с помощью слюны>, <обглоданный>; в уменьшительно-ласкательной форме [*meusulni-ka] хорошо просматривается облик слова «солнце» ([*sulnika] > [*sъlnьko] > [*sъlnьse]); оно возникает путем сокращения более старого обозначения светила (должно было бы быть не «солнце», а «мусолнце»), путем отсечения предупредной его части.

М. Фасмер [3, с. 710] тоже производит прасл. [*sъlnьse] от [*sъlnь], но он не предполагает в этом слове отсечения предупредной части [*meu-], поскольку аналогичного нет в других индоевропейских языках, демонстрирующих соответствие только праславянскому [*sъlnь], хотя в этой части более древнего слова не осталось ничего от корня со значением <чистый>, <отчищенный с помощью слюны>, <светлый> и тому подобное.

Наша реконструкция древнего облика слова «солнце» позволяет увидеть в слове «**масленица**» очевидный пароним слову с солярным значением, причем в народной памяти уже нет первоначального образа древнего слова «солнце» – сохранилась только его часть; смысл связи «**масленица**» < *«**мусолнце**» безвозвратно утерян.

Жареные блины, обильно съедаемые на масленицу, символизируют **солнце**; они похожи на солнце: они круглые, они блестят и так далее. Было бы интересно разобраться с этим солнцеподобным словом «блин» (укр. блин, др.-р. блинь и млинъ, во всех славянских языках это название праздничной еды – только с [м], отсюда и праславянская форма слова «блин» восстанавливается с [m] и производится от «мелю», «молоть» [3, т. I, с. 175].

Существует, однако, и другая, более правильная, на наш взгляд, этимология слова «блин», принадлежащая Г.А. Ильинскому, согласно которой праславянская форма этого слова ([*bъlinъ]) является родственной нов.-в.-нем. *Beule* <шишка>, готск. *ufbauljan* <раздувать>. Ср. русск. *бутеть* <жиреть>, <набухать>. Вопреки М.Фасмеру ([3, I, 239]), считаем возможным соотносить слово «блинъ» со словом «булка» и даже со словом «буханка» (оба слова М. Фасмер считает заимствованиями). Если видеть в слове «блинъ» связь со словом «солнце» ([*meusulnika]), то она, разумеется, паронимическая, при этом паронимия усиливает сходство слова «блин» со словом «солнце» в их первоначальном звучании: происходит мена фонемы [b] на [m] в ряде праславянских говоров.

Нас, однако, интересует случай более интересной паронимической связи. В древнекириллической азбуке («глаголице»), а может быть – и в более ранней (докириллической) азбуке чертами существовала буква, именовавшаяся словом «мыслеете» (сочетание [ee] в нашей транскрипции заменяет букву «ять», передававшую долгую фонему [ee]). Буква «мыслеете» обозначала фонему [m] и, видимо, число <40>. Такие значения «мыслеете» имела в позднекириллической азбуке, в ранней же, древней, кириллице она обозначала число <60>, но перед нею находились две случайных буквы, со значением <20> и <30>. Были варианты названия буквы для фонемы [m] и (первоначально) для числа <40> – «мыслееть» и «мыслите». Буква «мыслеете» имела явные солярные очертания: четыре малых кружочка (друг над другом попарно), соединенные сопряженными дужками. Так выглядит лицевая дощечка Евангелия – с четырьмя медальонами, изображающими евангелистов Матфея, Луку, Марка и Иоанна. Золотой мыслетью писались вплоть до XVI века (наверное, и позже) узоры: «Отъ чепочки по концомъ писаны травы мыслетью золотомъ творенымъ» (Ор. Бор. Фед. Год. 1589 г. 26) [4].

На кафедре русского языка Тамбовского университета хранится полотно с изображением Богородицы «Всех скорбящих Радосте», приближенным к растительному орнаменту – «мыслетью»; в изображении, однако, угадывается женская фигура, стоящая на облаках, с воздетыми вверх руками и красными крыльями, в окружении крестообразных фи-

гур (табуированные образы ангелов). Воздействие от этого дивного образа потрясающее. Обычно в подобных изображениях на полотенцах видят образ «славянской богини Мокоши», удивительно похожий на образ Богородицы («Оранты») [5]. Такие решения приходят на ум лишь в тех случаях, когда исследователи упорно придерживаются догмата о первоначальном (обязательном!) языке у славян [6]. В действительности славяне изначально были христианами [7], их образование как популяции (народа) по времени совпадает с миссией апостола Андрея Первозванного на территории более позднего восточного славянства; или крещение народа на Оке и Днепре апостолом Андреем происходило чуть раньше, в период сохранения балтославянской общности [8], [9]. Представление Богородицы Марии на полотенцах в виде орнамента мыслетью легко осмыслить, если принять во внимание, что буква «мыслееть» – первая буква имени «Мария»; «мыслееть» – не только передача фонемы [m] и числа <40>, это еще символ Богородицы, ее абстрактный образ.

В эпоху борьбы с арианством и несторианством огромную роль приобретает строительство православных пятикупольных храмов: четыре купола над сводами храма (вокруг центрального, пятого) – это тот же образ Богородицы Марии (мыслетью!). Чтобы понять смысл центрального купола храма, нужно знать, как представлялась буква «слово» в ранней кириллической азбуке. Эта буква ассоциировалась с именем Христа Спасителя, а писалась буква «слово» так, как изображалась фигурка Христа-младенца на руках у Богородицы (это был тот же купол: нимб вокруг головки святого младенца покоился на почти прямом основании-тельце). Центральный купол пятикупольного православного храма символизировал образ Христа на груди Богородицы Марии; таким он был на некоторых иконах типа «Оранта», в частности, на ярославской (Богоматерь Великая Панагия, XII век [10]). Золотой медальон на груди Богородицы с изображением Христа – преобразование более древнего символа, белой лилии (мы находим подобные изображения Девы Марии в катакомбных росписях конца III – начала IV веков [10]).

Видимо, представление Богородицы Марии в виде «мыслети» создавалось при опавании деревень и сел во время моровых болезней и иных бедах беременными жен-

щинами или девушками. Само собой разумеется, что и это не языческий, а православный христианский обряд, просто истинный смысл его был слишком давно забыт. Возникает интереснейший вопрос, связанный с происхождением «куполообразной» («грибообразной», «свечеобразной») буквы «слово»: существовала ли она в первоначальной дославянской (докириллической) азбуке славян до принятия христианства в I веке или сразу же возникла как образ Христа (Бога-Слова). Думается, второе более реально; видимо, первая славянская азбука (чертами) возникла в I веке и была изобретена одним из спутников Андрея Первозванного, например, Лукославом (= Лихославом). То же самое можно сказать, вероятно, и о букве «мыслеете»: слишком ярко она представляет образ Богоматери с воздетыми вверх руками (ср., например, Оранту в Киевской Софии, 1037–1040 годы, или тот же образ Богоматери в катакомбе Прискиллы в Риме).

Интересно, однако, разобраться в этимологии слова «мыслеете». В индоевропейском праязыке корень слова «мыслеете» был представлен, скорее всего, как [**muu-s-*] (праслав. [**muu-s-*]); возможно, он был лишь паронимом слова со значением <солнце> (см. выше), хотя сходство семантики обнаруживается необычайное, а чередование [**eu*] // [**iu*] довольно типично. Семантика корня [**muu-s-*] (= [**muu-s-*]) проявляется в форманте личных имен «Перемысль», «Осмомысль», «Добромысль», «Гостомысль», синонимичном формантам -Славъ, -Горъ, -Пълкъ в именах «Святославъ», «Святогоръ», «Святопълкъ» (антонимичным был формант -Гость слов «Доброгость», «Катогость», «Радогость»). Формант -Мысль (как и иные, синонимичные ему: -Славъ, -Пълкъ, -Горъ) претерпевает любопытное преобразование семантики: <светлый>, <белый>, <солнце> → <говорить> (<думать>, <мыслить>). Народ, живущий на Белой (Святой, Русской) земле, в отличие от народа, живущего на востоке и севере от него [11; 8], считает себя говорящим; соответственно восточный или северный народ – это немцы, чудь, гости [5; 9, с. 9–11].

Индоевропейский корень слова «мысль» с долгим [и] ([**muu-*]) выступает в некоторых словах со значением <свет>, <молния> в кратком вокалическом варианте ([**mu-*]): праслав. **mьlni*, старослав. *мльнии*, русск. *молния* (народн. *молонья*, *маланья*, *ма-*

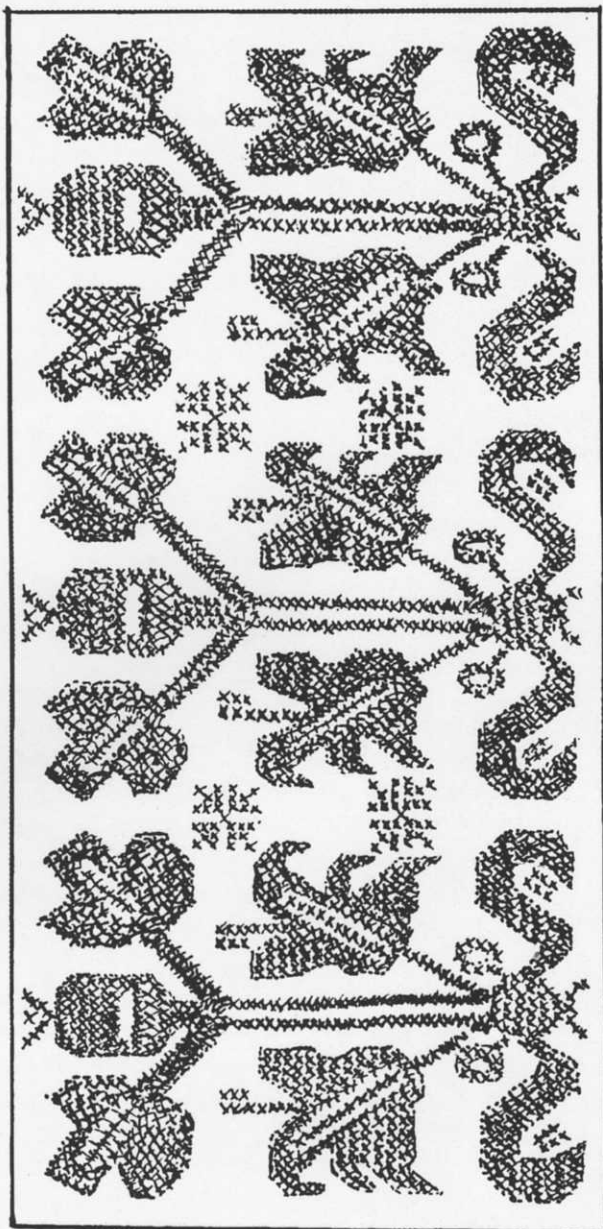
ланка) [4, т. II, с. 643]. Корень [**mu-*] в слове *молвить* (др.-р. *мьлвити*, старослав. *мльва*) со значением <говорить> может быть тождественным корню в словах со значением <свет> (это было бы вполне законно), хотя здесь не исключена и древняя паронимическая аттракция.

* * *

Итак, есть некоторые основания видеть не только в празднике *масленицы* ритуал поклонения Солнцу (это ни у кого не вызывает сомнения [12, 13]), но и в названии «масленица» – паронимический субститут слова «солнце» ([**muusъlnьse*]).

Древняя семантика и очертания буквы «мыслеете» позволяют увидеть и то, как переносится имя «масленица» на кукольный персонаж – соломенное чучело, разряженное в тряпье, торжественно встречаемое и грубо выпроваживаемое, сжигаемое на костре в завершение праздника. Конечно, в этом ритуале легко увидеть фрагменты, легко относимые к язычеству; они, естественно, были осуждены и запрещены официальным христианством поздних времен (с X века). Эти осуждения и запреты восприняты без всякой критики исследователями, которым почему-то хочется непременно отнести славян к языческому миру (ср. нелепейшие толкования имени Богоматери – *Мокоши* – в лучших этимологических словарях нашего времени [14, 15]), хотя есть совершенно бесспорные свидетельства крещения балтославян («Голяди») и их соседей «Касогов» (ставших «черкесами», то есть <крещеными>) уже в I веке [8].

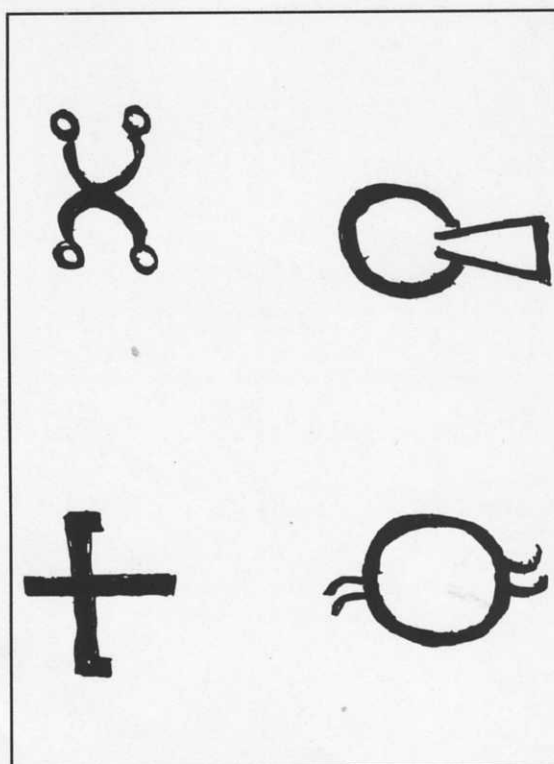
Чтобы хоть немного освободиться от мешающих осмыслить раннехристианский мир догм и понятий, нужно представить себе время самых первых установлений и обычаев, связанных с Великим Постом, внезапно прекращающим масленицу. Время это – IX век. Византия. Блаженная царица Феодора в 842 году под влиянием патриарха Константиноградского Мефодия уговаривает своего малолетнего сына, императора Михаила, возвратиться к почитанию святых икон. Церковь устанавливает в первую неделю Великого Поста праздновать Православие [16] (при той же Феодоре, не позднее 864 года, состоялась миссия Константина, в монашестве Кирилла, и его брата Мефодия в Моравию для обучения славян богослужению на родном их языке [17, 18]).

I. Вышивка мыслью на полотенце (Тамбовская область).

II. Буквы «азъ» («писаный крест»), «мыслете», «херувим» и «слово» раннекириллической («глаголической») азбуки.

Выполнено художником-иконописцем Михаилом Никольским (черно-белое исполнение).

Более раннее время (с начала VIII века) было омрачено иконоборством, которое продолжалось 125 лет – с 717 года, когда царский скипетр в Византии захватил Лев Исавр (около 675–741), проявивший себя активным иконоборцем, – до уже упомянутого 842 года [15].

Итак, 125 лет иконоборства. 125 лет запрета на иконы, на образы Спасителя и Богоматери Марии. Хазарское господство на славянских землях гонение на сторонников икон усугубляло: хазары помогали прийти на византийский престол самым активным иконоборцам (например, в 775 году), можно представить, какими жуткими ненавистниками икон были они сами. Мы еще не привыкли к мысли, что восточные славяне были православными христианами задолго до X века, изначально, по крайней мере – с V века (Первый век Трояна, то есть Пресвятой Троицы), а вообще христианами – с крещения их апостолом Андреем в I веке [19; 8], но если принять как данное этот теперь уже доказанный факт, то нетрудно представить, как тяжело пришлось нашим христианским предкам («черным христианам» [7–9]) в долгие годы запретов на иконы и в предшествующие годы арианства и несторианства [20]. Прежде всего, можно предположить отказ части восточнославянского населения от икон и всякого изображения Спасителя, Богородицы, святых апостолов, ангелов и так далее (эти люди быстро потеряли христианскую веру; словом «христиане» они именовали своих восточных, «заднипрных», «затрипанных», как они говорили, соседей – «черных христиан»). С другой стороны, «черные христиане» вынуждены были прятать иконы, писать на тыльной стороне образа Богородицы Марии какой-либо иной образ, менее безопасный, если иметь в виду арианско-несторианский напор, например, Параскевы-Пятницы; молитвы, обращенные к Богородице, прилюдно переадресовывались Параскеве-Пятнице («Мокриде», «Льянице»); образ Пресвятой Девы Марии переносился с доски на полотенце и трансформировался в какой-либо узор (той же «мыслетью»), посторонним вовсе не понятный. Имя Спасителя или Пресвятой Его Матери Марии сознательно искажалось. Так, в «Слове о полку Игореве» дважды вспоминается Богородица Мария, помимо иконы Богородицы Пирогощей, сокр. «Пирогощей» (то есть «Неопалимой Купины»), – как Дева-Обида

(«Въстала Обида въ силахъ Дажь-Божя внука, въступила девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена...») или как Карающая и Жалеющая («За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе...»).

Князь Владимир крестил свою языческую варяжскую дружину, а заодно и подвластное «белое» («русское») население, в значительной мере утратившее былую православную веру, в 988–989 годах, когда с иконоборчеством в основном было покончено. Конечно, новое почитание икон не походило на старое, а старое, сохраненное там, где православные христиане не подчинились иконоборцам и последователям ариан-несториан, значительно изменилось. Так называемые «языческие кумиры», водруженные Владимиром на теремском дворе в 980 году: Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь – были вовсе не языческими, а народно-христианскими образами-изваяниями. Это был своего рода деисусный чин: Илия Пророк, далее – Святая Троица (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), затем – Благовещение (Серафим-Архангел и Богоматерь Мария) [21; 8, с. 21–25].

Когда эти «кумиры» были свергнуты, всякое поклонение им, почитание древних святых образов, объявлялось язычеством, «зверинским обычаем». Так, возможно, и народно-христианский праздник масленицы превратился в языческий обряд, пресекаемый церковью в той его части, где сохранялся хоть какой-то намек на святые православные символы. Благодаря такому забвению первоначальных смыслов сегодня уже никому из исследователей не хочется искать в «языческом» празднике масленицы отзвук, отражение, память истинного действия, совершавшегося древними славянскими христианами накануне Великого Поста, в праздник Успения Пресвятой Богородицы Марии. В настоящее время он происходит в православном мире с 14 по 23 августа (с 28 августа по 5 сентября), но первоначально совершался 18 января и только в некоторых местах – 15 августа. Всеобщее празднование Успения Пресвятой Богородицы 15 августа было установлено при императоре Маврикии с 582 года [15, т. II, с. 2206]. Не исключена возможность, что кое-где в православном мире праздник Успения Божией Матери совер-

шался и в другое, близкое к 18 января время, в предвечерии Великого Поста.

Л.М. Лотман во вступительной статье к публикации «Весенней сказки» А.Н. Островского «Снегурочка» отмечает (ссылаясь на А.Н. Афанасьева [22]) древность ритуала, при котором провожающие Масленицу люди разделяются на два хора, один из которых оплакивает героиню обряда, просит остаться, а другой осыпает ее оскорблениями и изгоняет [23]. Вероятно, этот ритуал отражает, представляет театрально, воскрешая в памяти реальное событие, в котором столкнулись православные христиане и ариане (или несториане) – от последних до сих пор идет нелюбовь к Богородице Марии в ряде сект.

Вот как это действие представлено А.Н. Островским в «Снегурочке»:

1-й хор берендеев
(везущих Масленицу)

Раным-рано куры запели,
Про весну обвестили.
Прощай, Масленица!
Сладко, воложно нас кормила,
Суслем бражкой поила.
Прощай, Масленица!
Пито, гуляно было вволю,
Пролито того боле.
Прощай, Масленица!
Мы за то тебя обрядили
Рогозиной, рединой.
Прощай, Масленица!
Мы честно тебя проводили,
На дровнях волочили.
Прощай, Масленица!
Завезем тебя в лес подале,
Чтоб глаза не видали.
Прощай, Масленица!
(Подвинув санки в лес, отходят)

2-й хор

Честная Масленица!
Веселенько тебя встречать-привечать,
Трудно-нудно со двора провожать.
Уж и как нам тебя вертать-ворочать?
Воротись, Масленица, воротись!
Честная Масленица!
Воротись хоть на три денечка!
Не воротись на три денечка,
Воротись к нам на денечек!
На денечек, на мальтий часочек!
Честная Масленица!

В самом образе Масленицы не должно оставаться ничего непонятного, не осмысленного в символическом плане. Нам следует еще раз вернуться к букве «мыслете» (<м>, <40>) и обратить внимание не только на

солнцеобразный, но еще и на крестообразный характер этой буквы («косой крест», подобный тому, на котором был распят Андрей Первозванный). Второй крестообразной (свастической) буквой в «глаголице» и, видимо, в предшествующей ей азбуке «чертами» была буква «херь» (<[х]>), точнее – один из вариантов этой буквы [24, 15], представляющий кружок с двумя дужками-усиками, развернутыми влево (вверху) и нижними усиками, повернутыми вправо. Этот вариант буквы «херь» редко приводится в учебниках по старославянскому языку; его нет, например, в фундаментальной работе А.М. Селищева [17]; ср. [24], но он знаменателен во всех отношениях. Если буква «мыслете» символизирует, помимо прочего, имя Богородицы – **Мария**, то буква «херь» начинает слово «Херувимъ»; оно – древняя логограмма этого названия Ангела, и оно всегда выступает в роли эпитета к имени Богородицы Марии («честнейшая Херувимъ и славнейшая безъ сравнения Серафимъ...»).

Такое святое значение буквы «херь» было загублено в годы деградации народного христианства на Руси, когда праздник **масленицы** был превращен в языческий обряд с прикручиванием героине этого обряда мочальных хвостов (иногда всего одного!). Конечно, первоначальный смысл «усиков» древней буквы «херь» никем уже сейчас не вспоминается, как не вспоминается и смысл аналогичных «усиков» на южнорусской **рогатой кичке** [25]¹, очертания которой так напоминают древнюю (видимо, докирилловскую) букву «херувимъ». Может быть, впрочем, и еще одно объяснение «мочального

¹ Существуют различные варианты «рогатой» кички («повойник», «сорока» и другие); иногда «рога» заменяются ленточками-хвостиками. Ср. у В. Даля: «Сорока (карельск. головной убор (новг., ол., твр., арх., ниж., кстр.) урал., ряз., тул., орл., вор., тмб.), род кички, на челе пониже, а с боков повыше; иногда по такому волоснику только повязывается шитая шпиринка, и это сорока с повоем; та сорока сажена убрана питьем, низаньем, даже камнями, либо жемчугом...» [2, IV, 274]. Знаменательно само название головного убора, уподобленного букве «херувимъ», – «сорока»: ведь это числовое значение буквы «мыслете» (обе буквы – «мыслете» и «херувимъ» были символами **Богородицы Марии**). В названии православно-христианского праздника «Сороки» («Сорки») 9 (22) марта – то же воспоминание **Богородицы Марии**. По Далю, это «вторая встреча весны» [2, т. IV, с. 275], то есть воспоминание **Масленицы**, хотя приурочивается праздник памяти 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся (около 320 года) [26, 19].

хвоста» – как символа шерстяной нити, которую держала в руках Дева Мария вместе с веретеном и куделью, слушая Архангела Гавриила (Благовещение). Смыслы могут сочетаться и наслаиваться друг на друга, но в любом случае в празднике «масленицы» первоначально нет ничего языческого.

* * *

Итак, в празднике проводов **Масленицы**, в атрибутах этого праздника и во всех названиях, с ним связанных, проглядывают (шифруются) более древние (православные) обряды и термины, паронимически связанные с теми, которые сохранены ныне как единственные реалии упомянутого праздника.

1. Руделев В.Г., Поповичева И.В. Какой зубок приносили роженице в самые древние времена? (О Роде, рожаницах, зубошницах, поведках и других интересных словах, сохраненных тамбовскими говорами) // Тамбовские хроники (в печати).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. II. С. 361.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986-1987. Т. III. С. 16-17.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 4 т. С.-Пб., 1895. Т. II. С. 218.
5. Отечественная философская мысль XI–XVII века и греческая культура. Киев, 1991. С. 21-25.
6. Рыбаков Б.Н. Язычество древних славян. М., 1981.
7. Руделев В.Г. Черные христиане // Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). Рязань, 1996. С. 84-86.
8. Руделев В.Г. Воспоминания о Черной земле: Истории слов, имен и народов. Тамбов, 1994.
9. Руделев В.Г. Золотой корень: Необыкновенные истории русских слов. Тамбов, 1992.
10. Брук Я.В. Живое наследие: Беседы о древнерусской живописи. М., 1970.
11. Демидов Д.Г. Из истории неперечисленных существительных с пространственным значением в русском языке: Дис. ... канд. филолог. наук. Л.: ЛГУ, 1986.
12. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX вв. М., 1979.
13. Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 122.
14. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. М., 1992.
15. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. Репр. изд. М., 1992. С. 131-134.
16. Учительное Евангелие. 1569 г. Поучение в первую неделю страстного поста. С. 675-741.
17. Селищев А.М. Старославянский язык: В 2 ч. М., 1951. Ч. I. С. 12.
18. Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 5-69.
19. Толстой М.В. История русской церкви. Изд. Спасо-Преображ. Валаамского монастыря, 1991.
20. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 341-342.
21. Руделев В.Г. Симаргл. Тамбов, 1998 (в печати).
22. Афанасьев А.Н. Народные праздники // Древо жизни. М., 1982. С. 221.
23. Островский А.Н. Снегурочка. Л., 1989.
24. Беседина-Невзорова В.П. Старославянский язык. Харьков, 1962.
25. Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX – начало XX века. Карты. М., 1967. С. 40.
26. Православный церковный календарь. 1999 г.